

**Хлыбова Н.А.
ДЖ. Х. МИЛЛЕР КАК ДЕКОНСТРУКТИВИСТ**

В статье исследуются литературно-критические работы Дж.Х. Миллера (1980-90-х гг.), практически не упоминающихся в отечественном литературоведении. Цель работы – охарактеризовать новый деконструктивистский метод американского литературоведа. Цель обуславливает постановку следующих задач: провести анализ литературно-критических работ периода; определить особенности и специфику деконструктивистского метода критика; определить степень влияния прежнего, феноменологического этапа.

Известно, что деконструктивизм и феноменологическая критика исповедовали во многом диаметрально противоположные взгляды на художественное творчество. Деконструктивисты были текстологами, ведущими методологическую родословную от Ф. де Соссюра. Но сайентизм их был уже со знаком минус. В этой связи сама их позиция по отношению к науке была весьма парадоксальной и даже абсурдной: отвергая логоцентрические методы последней, не могли оторваться от нее. Не приемля логоцентризм, они в то же время были достаточно логичны в своих построениях. Это одно из главных внутренних противоречий течения.

Путь Дж.Х. Миллера-деконструктивиста начинается с солидного исследования “Литература и повторение: Семь английских романов” (1982). Внешним толчком для этой радикальной переориентации послужила его связь с Йельским университетом (преподавали выдающиеся деконструктивисты - П. де Ман, Дж. Хартман и Г.Блум).

Исследователь в предисловии к своей книге заявляет, что в анализируемых романах его будут интересовать, прежде всего, “особенности языка”. Он с похвалой отзывается о методологии “новых критиков”, так же в центр своих исследовательских интересов ставивших язык художественных произведений, в частности, его “странности” и “парадоксальности”. Профессия критика, считает литературовед, “ничего не стоит”, если она не основана на “любви к словам” и не имеет главной целью “обучение чтению”. Критик должен “облегчать” процесс чтения художественных произведений.

Интерпретатору художественных произведений, советует литературовед, не следует упускать из виду три аспекта, которые должны быть использованы в комплексе, ибо в отдельности - односторонни и недостаточны. Во-первых, при определении произведения “реалистическим” (герои воспринимаются как реальные люди) упускается из виду условность изображаемого, не замечается особый способ существования литературы, ее ориентация на вымысел. Во-вторых, если подчеркивается именно специфика художественного мира, то это способствует более верному “феноменологическому” прочтению последнего, где первостепенное внимание уделяется сознанию автора, выраженному в произведении и той “настройке” на это сознание, которая является основным делом критика и читателя. Для третьего подхода характерна ориентация на сам текст как таковой, его слова, стиль, композицию. Это то, что он называет “риторикой чтения”, что присуще деконструктивистским прочтениям текстов. Такой подход к произведению является основным в его книге.

Одним из важнейших “риторических” приемов в художественном творчестве является, считает Дж.Х. Миллер, повтор, выражаемый в различных формах: на вербальном уровне – повторение одних и тех же слов, фигур речи, на более высоком уровне – это повторение событий, тем, мотивов. В героях могут повторяться наследственные черты. Наконец, мифологические темы и архетипы. И это не полный перечень. В качестве типичного примера Дж.Х. Миллер указывает на роман Т.Гарди “Тэсс из рода д’Эрбервиллей” (словесное и образное повторение мотива с прилагательным “красный” как отражение реальной или потенциальной трагической ситуации). При обобщении этих наблюдений отмечается, что “любой роман содержит в себе множество повторений, они могут проявлять себя в виде длинной цепочки” [1,с.2].

Отличие Дж.Х. Миллера от правоверных деконструктивистов - не подчеркивает мысль о том, что произведение состоит из множества значений, которые могут произвольно вноситься, “вчитываться” в него критиком, ищет достаточно твердое значение, во многом связываемое с приемом повторов. Указывая на свой интерес к “риторике” текста, к слову, к стилю, литературовед не отрицает важности и более традиционных подходов, ориентированных на выявление социального или психологического аспектов в нем (но это “не является доминирующим”). Считает, что его книга “не теоретическая работа, а серия прочтений наиболее значительных английских романов XIX и XX столетия” [1,с.3]. Его интересует то, “как” создается значение произведения, а не то “что” это значение из себя представляет.

Интерес к проявляющемуся не только в отдельном произведении, но и во всем творчестве писателя остается у Дж. Х. Миллера и в последующих работах: однако, он стремился найти в них не общность сознания, а общность формальных художественных приемов, или, как он говорит, “языковых деталей”. Так, поиски “повторов” в двух романах Т. Гарди и В. Вульф.

Дж.Х. Миллер выделяет два вида повторов. Первый из них – обычный, линейный. Он проявляется не только в художественном творчестве, но и во всей Западной культуре: начиная от Гомера и Ветхого Завета до Завета Нового, а позже – у Вико, с его идеей цикличности, у Гегеля, с его идеей спирального развития, у Маркса, с его мыслью о цепи революций и у многих других Западных мыслителей.

Второй вид повторов более сложен. Он диалектичен. Элементы этого повтора могут быть различными, но они представляют собой явления одного плана. Примером такого вида повторов является, считает литературовед, изображение событий в романе М.Пруста “В поисках утраченного времени”. На первом плане писатель изображает реальные события, а на втором – эмоциональную память о них. Причем “припоминаться” может и то, что в реальности не происходило, и что существует только в воображении героя. Последний создает для себя “сложный мир обмана”, мир, которого никогда не было в реальности.

Не остается без внимания и теоретический аспект повторения. “Само слово “деконструкция”, -

поясняет Дж.Х. Миллер, - предполагает подрыв логического построения по формуле “или-или”. Анализ взаимосвязи двух названных видов повторов в рассматриваемых романах свидетельствует об их алогичности или о том, что в них использована особая логика” [1,с.17]. Именно понимание этого алогического построения “структуры романов открывает новые и наиболее плодотворные пути их прочтения.

В первом разделе, посвященном роману Дж.Конрада “Лорд Джим”, лишний раз указывается на слабость и недостаточность “объективных” подходов к произведениям. Критик должен “войти в текст” непредвзято (без опоры на теории) и заняться распутыванием его текстовых “нитей”. При этом он должен “вплетать” собственные нити в исследуемый текст, дополняя или изменяя его. Только так он может надеяться нащупать тот иллюзорный “центр” произведения, который ускользает от ориентированного на теорию критика. Этот центр не является некой “эмблемой”, чем-то твердым. Он иллюзорен и может находиться скорее на периферии произведения, чем в его середине. Критику лучше скрупулезно проследить связь “одного слова с другим и одного образа со следующим”. Только этот путь исследования может привести к пониманию истинного значения текста.

При анализе текста Дж.Х. Миллер начинает его с “распутывания” вербальных “нитей” и с весьма традиционного рассмотрения его структуры. Он указывает на излюбленную манеру Дж.Конрада сопоставлять различные точки зрения на одно и то же событие. “Роман, - пишет он, - представляет собой сложную систему самых различных взглядов и мнений, и ни один из них не выделяется в качестве основного, на который можно было бы положиться в оценке происходящих событий” [1,с.31].

Три основные особенности структуры романа “Лорд Джим” выделяет критик. Она базируется на вопросах межличностных отношений, специфике временного построения и проблеме соотношения вымысла и реальности. И в каждом он выделяет главное – использование бесчисленных повторов. Ни одна из точек зрения героев не несет в себе окончательной истины, а является лишь длинной цепью взглядов на одно событие – прежде всего, на проступок Джима, неоправданно бросившего тонущий корабль. “Временная структура романа, - пишет Дж.Х. Миллер, - является открытой и состоит из цепи повторов, при этом каждый последующий эпизод, как правило, связан с предыдущим, они взаимно объясняют друг друга, и оба предшествуют эпизодам, о которых повествуется в дальнейшем” [1,с.34]. Повтор присущ и всему замыслу автора романа “объяснить реальные события посредством художественного вымысла” (сюжет, основанный на реальных событиях “повторяет” эти события). Текстолог-деконструктивист полагает, что “если и существуют какие-то слова, с помощью которых мы можем объяснить сущность характера и проблем Джима, то их следует искать внутри романа, а не вне его” [1,с.37].

Значение романа, рассуждает Дж.Х. Миллер, проступает в дискретных метафорических эпизодах, часто лишенных какой бы то ни было логики, из которых и состоит подлинно художественное произведение. “Лорд Джим”, полагает литературовед, как и любой другой роман “подобен словарю”, отсылающему читателя от одного слова к другому, а, в конце, обратно – к начальному термину, замыкая этот словесный круг или цикл. “Литература, - пишет он, - представляется Конраду в виде парадоксального воспроизведения вербального и невербального аспектов, одновременно освещающая и затемняющая то, что она изображает своей словесной массой” [1,с.39]. Анализ завершается типично деконструктивистским утверждением: окончательного суждения о произведении критик сформулировать не в состоянии.

Эти мысли развиваются и в следующем очерке по роману Э.Бронте “Грозой перевал”. В типично реалистическом произведении, Дж.Х. Миллер отмечает множество “темных”, романтических мест и “загадок”, которые более ста лет пытаются разгадать критики, подобно самим героям. Загадочность во многом связана с многочисленными “повторами”. В романе “прочтение” одного и того же события одним нарратором сменяется следующим прочтением. И даже оно может быть помещено “внутри” первого, а одна интерпретация событий находится в другой. Так, “рассказ Локквуда сменяется длинным пересказом того же Неллей, за которым следует изложение событий в письме Изабеллы, а затем во сне Кэтрин и т.д.” [1,р.45]. Цепь интерпретаций продолжает затем сам читатель и критики.

Этим самым автор исследования подводит нас к мысли: логическое, а значит, и “редуцированное” прочтение не только названного романа, но и художественных произведений вообще, всегда ущербно. Оно ведет к “вчитыванию” в него различных “теорий” и к упрощению, а то и к извращению его особого, “художественного” значения, которое скорее должно улавливаться интуитивно, чем “осмысливаться”. Каждая художественная деталь произведения должна, считает литературовед, восприниматься читателем или критиком как важнейшая, и рассматриваться так, как если бы это было “единственное блюдо на столе”. Она не просто что-то означает, она является и “ключом к чему-то вне себя”, к тому, что в совокупности и составляет сущность произведения, ту его тайну, которая не “переводима” на язык логики. Любая из них является “эмблемой всего произведения”. Этим замечанием Дж.Х. Миллер подчеркивает “органичность” художественного произведения, неразрывную, живую связь его частей. Эта органичность с особой очевидностью проявляет себя в различного рода повторах. Например, в смене поколений героев, представленных в романе “Грозной перевал”.

При явной ориентации на деконструктивистскую методологию наблюдается использование других подходов (внимание к читательскому восприятию текста рецептивной критики). Э.Бронте, считает Дж.Х. Миллер, искусно ведет читателя через паутину сюжетных сплетений, давая ему возможность без подсказки автора осмысливать происходящее в романе. Исследователь нередко прибегает к структуралистскому понятийному и терминологическому аппарату: указывает на широкое использование в романе “бинарных оппозиций” (своего рода повторов). “Весь роман, - пишет он, - основан на использовании приема уподобления и различия, на оппозициях вроде противопоставления штормовой и тихой погоды, внутреннего и внешнего миров, цивилизованного и дикого, сильной личности, например, “свирепого, безжалостного, волкообразного Хатклиффа мягкому Локквуду” [1,с.61]. Анализ подобных

оппозиций дает для понимания романа значительно больше, чем любые “внешние” подходы, например, социологический. Они позволяют читателю “войти во внутрь этого странного текста и понять, почему тайна последнего не будет разгадана никакими усилиями логического мышления” [1,с.63]. Откровенно деконструктивистское заключение о сущности романа Э.Бронте, о характере его истинного и ошибочного прочтения.

Анализ других пяти романов, предпринятый Дж. Х. Миллером, добавляет некоторые детали к пониманию методологии, однако главные черты последней проступают и в его подходе к романам “Лорд Джим” и “Грозовой перевал”.

Краткий обзор требует анализ романа В. Вульф “Миссис Деллоуэй”, так как она - единственной представительницей модернистской литературы в исследовании Дж.Х. Миллера. Указывая на специфику поэтики писательницы, литературовед отмечает ее использование приема “потока сознания”, ее неприятие традиционных форм построения сюжета, внимание к мельчайшим деталям и движениям души, стирание границ между реальным и воображаемым миром. Вместе с тем, он отмечает, что, несмотря на это, она все же продолжает традицию Теккерея, Остин, Троллопа и других викторианских писателей.

Следует заметить, что Дж.Х. Миллер прав отчасти. Писательница осудила эту традицию в своих критических статьях “Мистер Беннетт и Миссис Браун”, “Перечитывая романы” и др. (В то же время высоко оценила русскую литературную традицию: статьи “Романы Тургенева”, “Русская точка зрения”). Хотя нельзя не согласиться с критиком в том, что В.Вульф не стремилась полностью отвергнуть викторианскую традицию. Она хотела лишь дополнить ее творчеством, основанном на новых методах изображения. Но в чем писательница проявила себя как продолжательница традиции, так это, подчеркивает литературовед, в использовании приема повторов. Сам процесс творчества для нее - повторение прошлых событий в памяти.

Не удивительно, что более ранняя ориентация исследователя часто проявляет себя. Рассматриваемая книга является для Дж.Х. Миллера переходной от методологии “критики сознания” к деконструктивизму. “Роман, - пишет, например, он, - особенно подходит для исследования не только глубин индивидуального сознания, но, скорее, связи между одним и другим сознанием”[1,с.177]. Критик уделяет много места “игре” сознаний героев романа В.Вульф. Это позволяет сделать заключение: он не столько отказался от феноменологической методологии и перешел на деконструктивистские позиции, а скорее стал параллельно использовать оба подхода, при превалировании последнего. В небольшой степени используется и социологический. Главная героиня Кларисса рассматривается, например, как типичная представительница своего класса, класса аристократов.

Опубликованная работа Дж.Х. Миллера “Этика чтения”(1987), закрепила за ним славу деконструктивиста. Основные усилия он сосредоточил на текстах, как художественных (Дж.Элиот, А.Троллоп, Г.Джеймс), так и на философских (И.Кант) и литературно-критических (П.де Ман). Типичное уравнивание художественных и нехудожественных текстов для деконструктивистов. В любом из текстов, по его мысли, присутствует “этический момент”. Как авторы, так и нарраторы произведений, равно как их герои и читатели обязательно занимают ту или иную этическую позицию. Более того, сам процесс творчества предполагает наличие “этического момента”. “Я утверждаю, - пишет по этому поводу критик, - что существует особая и неожиданная связь между ориентацией на общепринятые законы морали и творчеством. Этика и творчество неразделимы, хотя их взаимосвязь не обязательно должна быть гармоничной или симметричной”[2,с.2].

Деконструктивистский культ текста проявляет себя в утверждении Дж.Х. Миллера: все гуманитарное знание, в частности история и социология, остро нуждаются в опоре на чисто литературные, “риторические” методы исследования. В первом разделе книги литературовед занялся “риторическим” анализом некоторых положений философии И.Канта. Этот же метод применен и в последующих разделах. Дж.Х. Миллер приводит обстоятельную выписку из художественных, философских или литературоведческих произведений того или другого автора и затем анализирует не только содержательный, но и “риторический” (языковой, художественный) аспект этого отрывка. В частности, особое внимание он уделяет метафорам. Это и есть, как он считает, “деконструкция текста”. Дж.Х. Миллер идет дальше, напрямую связывая моральные ценности текста с метафорой, синекдохой, аналогией, которые “заполняют те пустоты, образующиеся вследствие использования буквального и концептуального языка”[2,стр.24], тем самым стремясь указать на “текстуальный” характер морали и этики. Но эти попытки не убедительны.

Перейдя от философского текста к литературоведческому, отрывку книги П. де Мана “Аллегория чтения” (1979), в которой рассматриваются фигуры речи в произведениях Руссо, Ницше, Рильке и Пруста, Дж.Х. Миллер с удовлетворением указывает на то, что П. де Ман понимает этику как нечто имманентно присущее языку, и что является определяющим и “всеохватывающим” в акте чтения (обращает на себя внимание то, что аналогия подбора текстов). В подтверждение мысли своего коллеги Дж.Х. Миллер говорит: “Этическое суждение или этический императив является неотъемлемой составляющей любого языка”[2,стр.46]. Ссылки на “текстуальность” этики и на ее связь с фигурами речи представляются не достаточно обоснованными и не очень оригинальными (все деконструктивисты буквально все стремятся “упрятать” в текст, в том числе истину и этику).

Анализ художественных текстов, точнее – отрывков из произведений Дж.Элиот, А.Троллопа, Г.Джеймса, ничем в принципе не отличается от анализа философского и литературоведческого текстов. Вместе с тем, Дж.Х. Миллер постоянно выходит за рамки деконструктивистских понятий и методологии. Об этом свидетельствует, в частности, миллеровское определение красоты, как она проявляется в художественном творчестве. Внимание к “внутренним” особенностям текста, его языку, фигурам речи – это то, что хорошо известно по “неокритическим” теориям и практике. Но, в отличие от “новых критиков”, отрицается полезность любых теорий. В книге об этом прямо не говорится. Во многом

потому, что анализируются теории уважаемых мыслителей, в частности И. Канта. Однако в небольшой статье в российском журнале “Вопросы литературы” заявлено об этом недвусмысленно. “Сила литературного текста, - утверждает он, заключается в словах, из которых он составлен...”[3,стр.87]. И далее: “Налицо фундаментальная несовместимость между прочтением и теорией... Прочтение всегда до некоторой степени является отрицанием теории, а не ее триумфальным подтверждением. Именно это несоответствие между прочтением и теорией и вдыхает жизнь в литературоведение”[3,стр.87].

Приведенные слова – образец типично деконструктивистской теории “прочтения”. “Прочтение” в миллеровском понимании представляется чем-то действительно живым, творческим, противостоящим почти всегда упрощающим и догматическим подходам к художественному творчеству.

Мысль Дж. Х. Миллера о том, что любой текст (художественный и нехудожественный) обладает “автономным” этическим измерением (наряду с интеллектуальным, политическим и социальным), и что это измерение “зашифровано” в самой словесной структуре текста, была весьма оригинальной и неожиданной. Объясняя сущность своей концепции в интервью, подчеркнул, что он просто хотел ответить на вопросы: “Каковы основы моего этического подхода к тексту? И какова моя этическая ответственность перед студентами, которым я читаю лекции по литературе?”[4,с.130] Этику Дж. Х. Миллер связывает все же больше с общественными установлениями и личной моралью, чем с внутренними особенностями текста. (Так, этическая основа романа У. Фолкнера “Авесалом, Авесалом” - история американского Юга, “история личностная, содержащая в себе элементы этической ответственности”[4,с.130]). С таким определением “этики чтения” нельзя не согласиться.

Очередная книга Дж.Х. Миллера - сборник “Викторианские темы” (1990) - примечательна тем, что в нее вошли статьи как первого периода критической деятельности литературоведа, так и второго. Само название, как поясняет Дж.Х. Миллер, предполагает исследование трех “узлов”, на которых была завязана викторианская литература: это тематика, затем, выраженная в ней “субъективность” сознания (автора, протагониста, героев) и, наконец, ее “подчинение” (от глагола “subject”) идеологическим установкам своего времени. Три названные “узла” включают в себя не столько “риторический” аспект литературы, сколько содержательный (“идеологический”) и исторический. “В этих статьях, - пишет литературовед, - рассматриваются викторианские представления о личности, межличностных отношениях, природе, литературной форме, социальной функции литературы и т.п.”[5, с. VII] (Из перечисленных аспектов только один относится к проблеме “риторики” текста). Этот факт свидетельствует о широте методологической основы исследований, указывает также на “асимметричность”, всегда существующую между теоретическими основами того или другого метода и конкретным его применением, равно как и между теорией и непосредственным “прочтением” текстов. Другое важное замечание о сущности миллеровского понимания художественного творчества: оно не просто отражает жизнь, являясь аристотелевским “мимесисом”, но и преобразует ее. “Литература, - пишет по этому поводу литературовед, - помогает творить историю. И в этих очерках показано, что викторианская литература не просто была порождением социальных, исторических или идеологических сил, но сама породила и трансформировала эти силы” [5, стр. IX].

На совершенно новых методологических позициях стоит Дж. Х. Миллер в одной из самых поздних статей (1985). Она также посвящена Дж.М. Хопкинсу и носит название “Природа и языковой аспект”. На первое место выходят лингвистические и “риторические” моменты творчества поэта. Все аспекты реальности Дж. Х. Миллер, как деконструктивист, сводит к “метафорическому” языку. “Природа, - пишет он, - сфокусирована в языке, в словах, посредством которых она определяется и формируется в языковые системы”[5,с.201]. Миметической или реалистической “парадигме” теорий исследователь противопоставляет “теорию и практику аллегорического, интралитературного и интралингвистического” прочтения текстов. Вместе с тем, в явно деконструктивистски ориентированной статье, значительнее использование традиционных подходов. Больше внимания уделяется, тем историческим особенностям эпохи, которые повлияли на развитие викторианской литературы, наряду с некоторыми психологическими аспектами. Даже восприятие природы в эту эпоху было детерминировано, по мысли литературоведа, экономическими и социальными факторами. У Дж.Остин или А.Троллопа природа часто становилась “мерилом статуса того, кто владел полями, лесами и парками”[5, с.203]. При исследовании языка текстов характеризуются и особенности художественного языка целых эпох, в частности, романтизма. Романтики, считает он, “использовали метафорический язык как генератор мифологического восприятия”[5,с.206]. Викторианские прозаики, например Т.Гарди в романе “Тэсс из рода Д’Эрбервиллей”, часто высмеивали романтическое понимание природы и языка ее отражения. “Для Гарди, - пишет критик, - природа приобретает значение только тогда, когда в ней появляются следы человека, когда они становятся вмещением знаков, отпечатков индивидуальных или коллективных действий человека”[5, с.207].

Что касается Дж.М. Хопкинса, то он, по мысли критика, вообще проводит параллель “между структурой языка и структурой божественного творения”, ибо у него “метафора, взятая из языка, используется для описания связи природы и бога”[5, с.208]. Попытки показать, что сам язык является своеобразной высшей “реальностью”, что истина, красота, творчество имеют лингвистическую основу, не очень убедительны.

Проанализированные работы Дж. Х. Миллера 80-90-х годов позволяют утверждать, что переход критика на позиции деконструктивизма не означал полного разрыва с феноменологической практикой литературоведа. Можно сделать вывод, что деконструктивизм Дж. Х. Миллера не является “классическим”, радикальным. Влияние феноменологического периода продолжает присутствовать в его работах, наряду с расширением методологической базы.

Источники и литература

1. Miller, J.H. Fiction and Repetition: Seven English Novels. – Cambridge (Mass.), 1982. – 250 p.
2. Miller J.H. The Ethic of Reading. – N.Y., 1987. – 138 p.
3. Вопросы литературы, № 5. – М., май, 1990. – стр. 83-87.
4. Olson, Gary A., Rhetoric, Cultural Studies and Future of Critical Theory: A Conversation with J. Hillis Miller. – JAC. – V. 14, № 2, 1994. – p. 113-158.
5. Miller J.H. Victorian Subjects. – Hertfordshire, 1990. – 329 p.

Юксель Г.З.**ВЫБОРОЧНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЖУРНАЛА «Илери» /«Вперед»/ (№№ 1-20)**

Система национальной крымскотатарской печати 20-30-х годов XX столетия представлена большим количеством периодических изданий. По общим подсчетам, в этот период в Крыму и за его пределами выходило около 100 наименований национальных печатных изданий, среди которых можно выделить общественно-политические, специализированные, тематические, женские, молодежные издания, многотиражную прессу различных государственных учреждений, предприятий и организаций, стенные и даже «устные» газеты. Крымскотатарская печать 1-й трети прошлого века, являющаяся своеобразной кладью научных, научно-популярных, литературно-художественных, публицистических произведений, в наши дни представляет большой научный интерес. Исследование национальных газет и журналов того времени особенно **актуально** в свете изучения исторического и культурного наследия крымскотатарского народа.

Целью данной работы является попытка отразить основное содержание крымскотатарского «общественно-политического, научного и литературного» журнала «Илери» (1926-1930 гг.). **Задача** исследования заключается в составлении выборочного библиографического указателя публикаций первых 20-ти номеров журнала, вышедших в свет с мая 1926 г. по декабрь 1927 г. В указатель вошли названия наиболее значимых работ по вопросам культуры, науки, образования, экономики, здравоохранения, а также названия литературных произведений крымскотатарских авторов.

В наши дни многие публикации, вышедшие в «Илери», стали ценными, а в некоторых вопросах эксклюзивными источниками информации. Обозначая **перспективы дальнейших исследований**, отметим возможное в будущем изучение опубликованных в журнале работ, анализ литературно-художественных произведений. Тексты издания могут стать предметом исследования для специалистов в области крымскотатарского языкознания. По фотографиям журнала «Илери» возможен выпуск отдельного фотоальбома, который даст наглядное представление о довоенном Крыме.

Говоря в целом о **разработанности** темы национальной журналистики конца XIX – первой половины XX века в современной крымскотатарской науке, необходимо, прежде всего, отметить работы И. Керимова. [1-3], посвященные истории крымскотатарской довоенной прессы. Кроме того, о газете «Ватан хадими» и ряде крымскотатарских эмигрантских изданий писал турецкий историк Х. Кырымлы [4], историю создания газеты «Терджиман» осветил В. Ганкевич [5], краткий обзор национальной довоенной прессы провели Р. Фазыл и С. Нагаев [6], дореволюционные издания Таврической губернии изучал О. Хоменок [7], выборочную библиографию крымскотатарской газеты «Миллет» (1917-1921 гг.) составили Н. Абдульвапов и Т. Керимов [8]. Большое количество научных работ, написанных в разное время, были посвящены просветительской деятельности И. Гаспринского и его основной газете «Терджиман». В настоящее время внимание многих исследователей приковано к изданиям первой половины XX века, и одним из самых значимых среди них является журнал «Илери» /«Вперед»/.

Возникновение в национальной печати 20-х годов прошлого столетия таких изданий как «Илери» было обусловлено бурным развитием культуры, образования, искусства и науки крымских татар. С одной стороны, крымскотатарская научная и творческая интеллигенция была заинтересована в представлении результатов своих трудов широкой общественности, с другой – в росте и повышении уровня образованности крымских татар. Все это в совокупности создало социальные предпосылки для открытия и роста популярности подобных журналов.

Первый номер «Илери» вышел в свет 15 мая 1926 года. Он сразу же привлек внимание разнообразной тематикой публикаций, богатым иллюстративным материалом. Журнал сумел сплотить вокруг себя лучших представителей крымскотатарской интеллигенции, выдающихся ученых и общественных деятелей. И в дальнейшем, несмотря на материальные трудности и цензурный контроль со стороны партийных органов, осуществляемый через отделы агитации и пропаганды (Агитпропы), «Илери» удалось сохранить высокий профессиональный уровень публикаций, широкий спектр поднимаемых тем, достаточно большой объем и постоянную периодичность. Нам известно, что в период с 1926 по 1930 годы в Крыму было опубликовано 65 номеров журнала «Илери», средний объем каждого номера составлял 70-80 страниц.

Большой интерес представляют вышедшие в разное время на страницах журнала литературно-художественные произведения крымскотатарских авторов. Б. Чобан-заде, У.Ипчи, М. Нузет, К. Джаманаклы, З. Джавтобели, Э. Шемы-заде, А. Кядри-заде, Ф. Абдульхай – вот постоянные имена разделов «Шиирлер» и «Икяелер». Говоря о публицистических материалах, отметим, что в поле зрения авторов «Илери» находились самые актуальные вопросы того времени – политическое положение в стране и в мире, проблемы национального образования и просвещения, вопросы народного хозяйства, национальное литературоведение и языкознание, вопросы здравоохранения, проблемы национального искусства. Журнал информировал своих читателей о результатах этнографических и археологических экспедиций, об истории национальной печати, о проблемах национального театра и кинематографа, о конференциях по языкознанию, о ликвидации безграмотности в Крыму, публиковал большое количество